

НИКИТА ЗОЛОТАРЁВ

НАСЛЕДИЕ ЦИКЛА

ПУТЬ

ПРОЛОГ

18+

Наследие Цикла

Никита Золотарев

Наследие Цикла. Путь

«Автор»

2026

Золотарев Н. М.

Наследие Цикла. Путь / Н. М. Золотарев — «Автор»,
2026 — (Наследие Цикла)

В доме на Лэйн-стрит произошло убийство. Макс Ганнер из Департамента Магии, кутаясь в пальто без нижней пуговицы, знает об этом деле не так много. Три пули в затылок. Ноль улик. И таинственный предмет, распугавший полицию. Ему сорок восемь. У него нет денег, нет семьи и нет причин жить. Он устал. Но сначала нужно допросить последнего свидетеля — мистера Доннелли. Ганнер щёлкает пальцами, и испуганный старик рассказывает всё. А потом Максимилиан поднимается в квартиру, где убили радиоведущего, и находит его. Серебряный кинжал с четырьмя рубинами. Он дрожит. Он зовёт. И мужчина поддаётся искушению. Он не знает, куда ведёт Зов. Не знает, что ждёт в конце. Он просто идёт, потому что не может иначе. А ещё он верит, что его жизнь изменится. И он окажется прав. Настолько, что больше не захочет ничего желать. Повесть о том, кто сделал первый шаг. Кто прошёл Путь до самого конца. И всё равно остался человеком. Пролог к трилогии "Наследие Цикла". Самостоятельное произведение.

© Золотарев Н. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Никита Золотарев

Наследие Цикла. Путь

Глава 1.

Жёлтый кленовый лист, сухой и сморщенный, опустился на мокрый тротуар. Он промелькнул в воздухе, на мгновение затмив тусклый свет уличного фонаря.

Слегка покружился, подхваченный свистевшим между невысокими домами порывистым ветром.

А затем угодил прямо в широкую лужу, покрытую мелкой рябью.

Следом опустился ещё один.

И ещё.

В глади воды отразилась ярко-фиолетовая неоновая вывеска, в которой угадывались очертания бокала шампанского.

Кусочек тёмного, покрытого тяжёлыми облаками неба, готового снова разразиться осенним ливнем.

И что-то яркое, оранжевое, разгоняющее сгустившийся полумрак.

В воздухе запахло жжёным табаком, и огонёк потускнел — зато в отражении стал виден человек.

Слегка грузный и тучный.

Широко зевнувший.

Со щетиной дней пяти от роду.

И с глазами, которые вот-вот готовы были сомкнуться.

— Итак, мистер Доннелли, вы утверждаете, что не слышали ничего подозрительного? — Мужчина плотнее натянул кожаную кепку и рукой придержал полы тёмно-синего пальто, которые, из-за отсутствующей внизу пуговицы, танцевали вместе с разбушевавшимся ветром. Почему-то ныла поясница, словно от ушиба, хотя он не помнил, как и где ударился. — Совсем ничего?

— Ничего, — закашлявшись от табачного дыма, выдавил из себя мистер Доннелли, активно лысеющий пенсионер с животом, похожим на выросшую на хорошо удобренном поле тыкву. — Сказать честно, господин...

— Максимилиан Ганнер.

— Память ни к чёрту, — Доннелли нервно улыбнулся, обнажив не по годам здоровые зубы. Они блеснули в свете фонарей, и дедушка поплотнее закутался в клетчатый халат. — Так вот, господин Ганнер, мой сосед был тихим, как мышь в амбаре. Я видел его только дважды. Первый раз — когда тот заехал. Дай Бог памяти, месяца три назад. — Старик задумался, наморщив лоб, и не глядел на своего собеседника. — Да, через пару дней после того, как мы с моей Мартой отпраздновали юбилей свадьбы. С моей любимой Мартой, дай ей Господь здоровья. — Мужчина прикусил губу, и Макс это заметил. — А второй...

— Поздравляю, — сиплым голосом безразлично, но участливо вставил Ганнер.

— ... вчера вечером, когда кто-то из ваших выносил его тело в чёрном мешке. — Доннелли передёрнуло. — Чем занимался — понятия не имею. Не слышно, не видно. А тут — мешок. Молодой ведь совсем был, вряд ли болел.

— Убийство.

Глядя в живые, но в расширившиеся от этого слова глаза пенсионера, Ганнер понимал, что именно этот человек сейчас выдаст ему всё то, что нужно.

Он был последним из свидетелей в этом старом доме на Лэйн-стрит, и Макс, порядком наевшись работой, был рад пообщаться с последним из тех, кто хоть что-то слышал и видел.

Они договорились ещё десять минут назад в пабе.

Стакан бренди за информацию и молчание. Следователь решил не применять к старику магию, потому что именно сегодня чувствовал непривычную для себя усталость, и воспользовался древним, как мир, методом.

Деньги.

Он вытащил из заштопанного кошелька четыре золотые монеты, чем вызвал удивление у бармена, и заплатил за выпивку, которую терпеть не мог. Ганнер думал, что покупает душевный рассказ за последние деньги, но получил лишь крохи.

До зарплаты оставалось четыре дня, и их как-то нужно было прожить.

И купить себе пуговицу. Мало купить — её ещё надо было пришить.

— Убийство? — ахнул мистер Доннелли, неловко заломив слегка дрожавшие руки. — Как...

— Тихое, раз вы ничего не слышали, — уголком пухлых, пересохших от ветра губ ухмыльнулся Максимилиан. — Три пули в затылок.

— Ужас-то какой! — старик неподдельно испугался. — Говорят, убийцы всегда возвращаются на место преступления. Выставьте охрану! Я боюсь за свою жизнь!

— Может, вернёмся в бар? — не обращая внимания на возгласы свидетеля, предложил Ганнер, чувствуя крупные мурашки на коже.

Эта осень оказалась особенно холодной.

То ли потому, что его снова было некому согреть.

То ли потому, что прохудились все его рубашки, которые он покупал...

Даже не вспомнить, когда.

Многие из них помнили ещё старину Уинстона.

— Нет-нет, молодой человек. Я завязал много лет назад, пообещал своей Марте. А ведь тянет. Тянет меня выпить-то. Так что, — натянуто улыбнулся мистер Доннелли, — откажусь, иначе получу на орехи, как только вернусь домой. И так хватанул лишнего. — Он причмокнул, смакуя остатки бренди на пересохших губах, и резко изменился в лице. — Несчастный парень, так рано ушёл... А знаете, всё же что-то слышал. Шёл ливень, ну вы знаете.

— И?

— Будто мешок картошки упал на пожарную лестницу. Я сначала подумал, что это гроза, и высунул нос на улицу. Но, право слово, какая гроза в октябре! А, когда доковылял до другого окна, на лестнице уже ничего не было. Чёрт его знает, может, ветром сорвало кусок крыши? Так ведь и ветра особо не было.

Грохот, значит.

Маловато зацепок.

Ганнер сделал последнюю затяжку и, вытащив ещё тлеющую сигару из мундштука, выбросил её в ближайшую урну.

Он уже третий год обещал себе бросить.

Бросить то, что медленно убивало его, заставляло просыпаться посреди ночи с разрывающим лёгкие кашлем.

Как раз настал момент.

Денег нет.

Он снова просрочит платёж за аренду квартиры в Восточном Лондоне. И снова будет ссориться с миссис Луизой до тахикардии и боли в груди.

А ещё, кажется, стакан бренди, который он пропустил в баре, станет последним приёмом пищи на ближайшую неделю.

Ничего. Похудеет. Здоровее будет. И сможет влезть в свои брюки, которые бывшая жена подарила ему лет десять назад.

Плотные, с начёсом.

Ганнеру почему-то подумалось о тёплой ванне.

О большом, сочном, только снятом с гриля говяжьим стейке.

И о том, что его жизнь могла быть несоизмеримо лучше, если бы он когда-то давно выбрал другой путь.

Он посмотрел в конец длинной улицы Лэйн-стрит, которая растворялась в вязком, тёмном тумане. Пятна редких горевших фонарей освещали лишь часть тротуара.

Никого.

На долю секунды Макс показалась, что в сотне метрах впереди за ним наблюдает какая-то фигура в длинном чёрном балахоне.

Он моргнул.

Куст.

Всего лишь куст.

«Надо хорошенько проспаться», подумалось ему.

— Мне больше особо и нечего вам сказать, господин следователь, — сокрушённо ответил старик, продолжая глядеть следователю куда-то за спину. Макс обернулся, но увидел лишь сокрытую в густом тумане тёмную улицу. — Видел дважды. И жаль, что вот так... Но жизнь-то продолжается. Убийство в моём подъезде. — Он покачал головой, не в силах собрать мысли. — Ужасно, ужасно.

— Быть может, вспомните ещё что-нибудь, мистер Доннелли?

— Боюсь, нет.

— Совсем ничего?

— Кажется, совсем.

Макс вздохнул.

Тридцать лет назад он был молод и смотрел на мир широко раскрытыми карими глазами. Всё было по плечу.

А теперь, спустя годы службы, он стал циничным, порядком разжиревшим оперативником, который видел людей насквозь.

«Хоть что-то да нажил», с тоской подумал Ганнер.

Мистер Доннелли, хоть и пытался казаться добродушным старичком из детских сказок, таковым не был.

Следователь был уверен в том, что пенсионер что-то знал. Или был как-то замешан.

«Ваши».

Не было никого из «ваших». Он первый.

Это дело попало в его Департамент только потому, что полиция Лондона обнаружила необычный предмет при обыске ничем не примечательной квартиры.

Предмет, которого не должно быть в Лондоне.

Без него это была бы обычная криминальная история. Но не сейчас.

Именно поэтому Макс был здесь, и нутром чувствовал, что старик ему врёт.

Его выдавали то ли бегающие глаза, то ли едва уловимая дрожь в голосе.

То ли что-то ещё.

Быть может, слишком белые зубы?

Откуда у старика деньги на стоматолога?

И почему он так нервничает, говоря о своей жене?

— Я настаиваю.

— Что?

— Я настаиваю, — настойчиво повторил Ганнер.

— Я не понимаю...

— А я понимаю. Взгляните мне в глаза.

Мимо стоявших у большой лужи мужчин проехал автомобиль, и Макс без проблем его узнал.

Форд Эскорт.

Новый.

Поблёскивающий чёрным гляncем даже в приглушённом туманом свете.

Рёв двигателя и доносящиеся даже сквозь закрытые двери смех и музыка, которую Ганнер терпеть не мог.

Снова эти молодёжные хиты.

«Everybody Wants To Rule The World».

Новомодная попса. Ещё и без смысла.

А этот смех... Наигранный и выводящий из себя.

Все эти звуки заглушили собой щелчок пальцами, который не мог услышать мистер Доннелли.

Взгляды встретились.

— Дача ложных показаний влечёт за собой ответственность, — нарочито устало отчеканил Ганнер. Он смотрел словно прямо в душу старику сквозь чёрные, обрамлённые серой радужкой зрачки. — И я считаю, что вы врётё.

— Я? — Пенсионер изобразил изумление. — Вру? Да я никогда...

— Это мы сейчас и проверим. — Макс едва заметно прикусил язык, чуть не взыв от нахлынувшей на него внезапной головной боли.

— Что?

— Посмотрите на своё левое плечо, мистер Доннелли.

Старик повернул голову и увидел, как к нему приближается вспышка голубоватого света, похожая на растопырившего цепкие лапы огромного паука.

Изумление сменилось омерзением.

В воздухе запахло скошенной луговой травой.

И страхом.

— Так ты не из...

Следователь снова устало улыбнулся.

— Я хочу видеть ваш Отпечаток.

Лёгкий ветерок всколыхнул редкие белёсые волосы мистера Доннелли, и по дряблему телу пробежала волна дрожи.

Которая быстро сменилась теплом.

Старик запахнул клетчатый халат поплотнее.

С клёна снова упали листья, зашуршавшие по асфальту.

— Вот теперь я всё вижу, мистер Доннелли, — цокнул языком следователь, вытирая струйку крови под носом. — У-у-у...

— Вы будете за это наказаны! — зарычал пенсионер, сбросив с себя оцепенение. Он больше не казался добрым дедушкой — скорее, остервенелым, взлохмаченным лешим, вылезшим напрямиком из болота. — Жестоко наказаны!

— Кто вам сказал это?

— Вы применили магию к Неодарённому, следователь! Вас накажут!

Максимилиан усмехнулся, и его рука погрузилась во внутренний карман пальто.

Тиски, сжимавшие его мозг, ослабли, и ноющая боль была уже не такой яркой.

Как же вовремя пошла носом кровь!

— Мне достаточно лишь применить магию к шариковой ручке, чтобы она написала рапорт сама. Это легко. А вот вытащить из вас информацию оказалось достаточно сложно.

— Не на того нарвался, сынок! Девять лет в разведке в Королевских Вооружённых! — напрягся Доннелли, то ли гордясь, то ли защищаясь. Он покосился на руку собеседника. — Вы будете угрожать мне пистолетом?

— Пистолетом? — Наружу показалась серебристая коробочка, перетянутая резинкой. — Это всего лишь портсигар, а вы слишком нервны для обычного соседа, который якобы ничего не слышал. — Ганнер щёлкнул зажигалкой и снова прикурил, уже без мундштука. Мужчина с упоением вдохнул сизый смрадный дым. И зачем он это делает? — Мы не носим табельное оружие. Зачем оно мне, если у меня есть магия?

— Чёртов фокусник! Неужели никогда не держал в руках огнестрел?

— Не держал, — ответил правду следователь, на секунду усомнившись в своих словах. — А вы держали. Девять лет в разведке, — продолжал Максимилиан, не обращая внимания на колкости, которыми бросался его визави. — Думаю, примерно столько же придётся отсидеть за ложные показания, мистер. Ведь это вы открыли дверь в квартиру номер сорок три своим ключом, впустив убийцу.

— Я?

— Отпечаток не врёт, вам ли не знать, — следователь снова затянулся вызывавшим рвотный рефлекс дымом и показал пенсионеру размазанную по пальцам кровь. — Вчера, в, примерно, половину девятого вечера...

Доннелли чертыхнулся и исподлобья посмотрел на Ганнера.

— Вы воспользовались ключом, который вам оставил арендодатель, сказав присматривать за слишком молодым квартирантом. Жилец, который спустя некоторое время получил три пули в затылок, ничего не подозревал. Мне продолжать?

Старик выругался ещё раз.

Леший, внушавший страх, превратился в побитого и обрызганного грязью пса.

— Сколько денег вы получили?

— Нисколько, — слишком быстро ответил Доннелли.

— Повторяю вопрос, — с нажимом произнёс Макс. — Сколько?

— Нисколько.

Мужчина в пальто без нижней пуговицы поднял правую руку.

— И последний раз. — Он свёл пальцы вместе, словно приготовившись. На кончике указательного и среднего затанцевали светлые искорки. — Сколько вам заплатили?

Доннелли широко распахнутыми глазами взглянул на следователя.

— Что... Что мне будет?

Ганнер улыбнулся уголком губ.

Старик превратился в преступника.

Как минимум в подозреваемого.

И почему Неодарённые так сильно боятся магии?

— Пока всё то, что вы мне скажете, слышат только мои уши — ничего. — Тон Макса сменился на более тёплый, а искорки погасли. Он знал, как надо работать с загнанной в угол мышью. — Если пойдёте на сделку со следствием, то, думаю, я смогу вам помочь.

— Помочь? Как? — В голосе пенсионера забрезжила надежда.

— Здесь я задаю вопросы, господин Доннелли.

— Как вы поможете мне?

— Я жду ответ. Иначе обо всём узнает полиция Лондона из Отпечатка, который я снял.

— Две... Две тысячи. Я не знал, что он убийца! — всхлипнул старик, глотая слова. — Он всего лишь заплатил мне, чтобы я открыл дверь!

Следователь присвистнул.

Он получал четыреста.

В месяц.

А две тысячи...

Почти полгода безбедной жизни.

Может, бросить всё и...

Нет.

Стоп.

Он на работе.

Мать его этому не учила.

А этот старик — лишь одно из звеньев длинной ржавой цепи.

Старик, который так и не научился врать.

Прямо как его бывшая жена, у которой не получилось скрыть интрижку, из-за которой они и разбежались.

Потому что ему не место в одном доме со лгуньей. Тем более с той, что делит своё тело с другим мужчиной.

— Как он выглядел? Тот, кто дал вам деньги?

— Я не помню. Не помню!

— А если подумать? — Максимилиан приготовился щёлкнуть пальцами, и мистер Доннелли напрягся.

— Как... Как вы, — выдавил из себя допрашиваемый.

— Как я? — ухмыльнулся Ганнер.

— Телосложение то же, — промямлил пенсионер, не поднимая глаз. — А лицо... Лицо другое. И кепки, — мужчина указал на кожаный головной убор следователя, — не было. Зато были чёрные волосы. До плеч. Примерно. И острый нос.

— Борода?

— Нет, гладко выбрит. Лет тридцати пяти на вид.

Макс призадумался, почесав щетинистый подбородок.

Таких мужчин по всему Лондону ходило немало.

А сочетание острого носа с длинными волосами...

Сердце застучало сильнее, ударяя по прокуренным лёгким.

Да ладно?

— А у него на лице под правым глазом была ли...

— Родинка, — кивнул мистер Доннелли, словно прочитав мысли собеседника. — Размером с пенни. Такая противная.

Ганнер резко вспотел.

Именно так выглядел его коллега по работе, Джуд Коллинз.

«Не может быть», сказал он сам себе, чувствуя, как краснеет его лицо.

Проклятое давление. Опять сбивает его с ног в самый неподходящий момент.

Максимилиан сделал вид, что теперь чешет нос, но на самом деле он надавил указательным пальцем на носогубную складку, чтобы успокоиться.

Да ну? Джуд? Хиппи, который уже пять лет работает... Бесит Ганнера своей неуклюжестью и тупостью?

Бред.

Да и зачем ему убивать?

Он ведь и мухи не обидит!

Или обидит?

Следователю вспомнилось, как всегда спокойный Коллинз отреагировал на претензии к его отчёту по расследованию ограбления магазина с заколдованными амулетами.

Кинул прямо в хлипкую стену их кабинета свою любимую, всегда не мытую кружку с кофейными разводами, разбив её на мелкие осколки.

Макс никогда бы не подумал, что тот способен на ярость.

Джуд Коллинз.

Теперь перед его глазами Ганнера стоял коллега, наставивший пистолет на убитого.

Это лишь версия.

Надо будет проверить.

Следователь выдохнул, и пар густыми клубами вылетел из его рта.

Собратся.

Взять себя в руки.

Допрос свидетеля не окончен.

— Думаю, вы знаете, где можно обменять золотые на фунты, — выдавил из себя мужчина в пальто без нижней пуговицы.

— Знаю.

— Вы упомянули жену и юбилей. Она больна, не так ли? Поэтому вы и взяли деньги?

Старик прикусил губу.

— Потому и взял. — Его голос, хриплый и без этого, теперь надломился. — Пенсия как и память, ни к чёрту. А лекарства? Видели, сколько стоят?

— Видел, — сухо ответил Ганнер, но в груди у него что-то ёкнуло. — Думаю, ключ ещё у вас.

— Нет.

— Вы врётё человеку, который только что применил против вас магию. А вы, насколько знаю, ею не владеете.

— Откуда вы...

— Я могу помочь вам, мистер Доннелли, а вы можете помочь мне. А ещё я могу сообщить полиции, что именно я видел в вашем Отпечатке. — Ганнер слегка прищурился, поймав себя на мысли, что если сомкнёт веки, то тут же уснёт, прямо у бара «Камелот». — А могу не говорить.

В протянутой, охваченной тремором руке пенсионера блеснул небольшой серебристый ключ, который тут же отправился в карман пальто.

— Ваши же должны были передать...

— Наши захлопнули дверь, когда уходили. Спасибо за информацию, уважаемый законопослушный гражданин, — зевнул Ганнер. Он знал, что закрытая даже при помощи магии дверь откроется, если вставить в замок подходящий ключ. — Не покидайте место своего жительства в ближайшие полчаса.

— Я буду писать на вас жалобу, — процедил мистер Доннелли, оглядываясь.

— За что?

— За то, что без спроса сняли с меня Отпечаток! — брызгал слюной старик, не увидев никого в столь поздний час. — Мало ли что вы могли обо мне узнать!

— Я? Я сотрудник Департамента Магии и Магических явлений, и имею право.

— На то, чтобы издеваться над такими, как я?

— Признаюсь, — смягчился Ганнер, выбрасывая докуренную сигарету и снова запахивая пальто. — Я применил магию. Называется «Шар света».

— Шар? — Доннелли хватал ртом прохладный воздух, словно выброшенная на берег рыба. — В каком смысле?

— Немного освещает пространство. Очень полезно, когда чистишь слив под раковиной, например.

— Но Отпечаток...

Следователь хмыкнул.

— Я не применял к вам эту магию, мистер Доннелли. Вы сами выдали мне всю информацию.

— Что?

— Блеф. Я вам соврал. Как и вы мне.

Ганнер схватился за козырёк кожаной кепки. Кровь, пошедшая носом, избавила Макса от головной боли, и одновременно заставила пенсионера поверить, что тот снял Отпечаток. Если бы не полное отсутствие денег, мужчина прямо сейчас помчался бы в лавку, продающую лотерейные билеты.

— Пойдёмте со мной. Я хочу убедиться, что вы будете дома, пока не придут сотрудники моего Департамента. И заодно осматриваю место преступления. И не пытайтесь сбежать, — маг снова щёлкнул пальцами, и старик ощутил на своих запястьях что-то тяжёлое и тёплое. — Сейчас я не блефую.

— Я вижу, — опустив глаза в пол, ответил мистер Доннелли, и поплёлся за следователем, с видимым усилием передвигая налившиеся свинцом ноги. — Грёбанные маги...

«Слова настоящего Неодарённого», ухмыльнулся про себя следователь, оглядывая пустынную улицу, на которой не горела половина фонарей.

На Лондон спустилась густая ночь, и лишь свечение неоновых вывесок окрашивало тёмный город в яркие цвета.

Будет ли она долгой?

Нужно всего лишь осмотреть квартиру номер сорок три. Тело уже увезла обычная полиция, клятвенно заверив, что всё, что может заинтересовать Департамент Магии, оставлено на своих местах.

— Господин Ганнер, — жалостливым тоном позвал следователя пенсионер, — а вы хороший маг?

— Что хорошо, а что плохо, каждый определяет для себя сам, — пусто отозвался мужчина, чьи каблучки цокали по асфальту, словно конские копыта. — К чему вопрос?

— Вылечите мне жену. А я вам... — Доннелли сглотнул, — отдам всё, что у меня есть. Я скопил пять тысяч фунтов.

Следователь поднял воротник тёмно-синего пальто и, держа под руку мистера Доннелли, шагнул во мрак.

— Я бы с радостью, — ответил Максимилиан, стараясь держать себя в руках. Ему вдруг представилось, что его жена, если бы она была, так же больна, как неведомая ему Марта. Что бы он сделал? Взял бы деньги? — Наша магия может вас только покалечить. Но не излечить. Максимум, что я могу — затянуть неглубокие царапины. Как и любой другой мало-мальски сильный чародей. А сильных, — Ганнер усмехнулся, — днём с огнём не сыщешь. Вырождаемся мы, вам на радость. Не будет скоро больше «грёбанных магов».

— Я не хотел вас обидеть, — буркнул закованный в наручники старик.

— Лучше просто помолчите, мистер Доннелли. Чем меньше вы треплетесь, тем быстрее я отсюда уеду.

Пара мужчин свернула в подворотню дома по улице Лэйн-стрит.

Рядом с ними плыл небольшой, сотканный из чего-то голубоватого, шар света.

Тусклый, словно одинокий светлячок.

Силы Максимилиана Ганнера были на исходе, и он очень хотел спать.

Наверное, именно поэтому он не заметил, как за ним с другого конца улицы наблюдает высокая фигура в чёрном балахоне.

Глава 2.

Путь на шестой этаж старого дома на Лэйн-стрит давался Ганнеру нелегко. Колени словно сдавило тяжёлой цепью, спину скрутило, а одышка, его верный друг, заботливо хлопала по плечу и отдавалась болью в лёгких с каждой ступенькой.

Боль в пояснице усилилась.

Лампочка горела только на первом этаже, и остальной путь Максимилиан, держа под руку закованного в бестелесные наручники мистера Доннелли, прошёл, освещая лестницу своей зажигалкой.

Шар света, созданный магом ещё на улице, растворился, как только тот переступил порог подъезда. Будто магической силы не осталось вовсе, и Макс не помнил, куда он потратил столько энергии.

Восстановится. Нужно время и крепкий сон.

Преодолевая пролёты один за другим, Ганнер проклинал Департамент и лично Джуда Коллинза, который должен был отправиться на это дело, но сегодня днём сломал ногу, свалившись со стремянки в архиве.

Дался ему этот отчёт.

Опять этот Коллинз.

Быть может, он упал не просто так?

Может, он всё спланировал? Пытается отвести от себя подозрения?

Но почему он тогда не убил мистера Доннелли?

И сломана ли нога у Джуда?

Макс не мог представить, что этот неуклюжий мужик способен на хладнокровное убийство.

Как бы там ни было.

Теперь приходится отдуваться за этого престарелого хиппи, который обожает приносить на работу гороховый суп, моется два раза в месяц и носит дырявые кроссовки, которые пахнут на весь Департамент сырыми шампиньонами, как только Джуд приходит на работу.

Ганнера чуть не стошнило ещё плескавшимся в пустом желудке бренди, и он переключил своё внимание на подъезд. Обшарпанные стены со вспучившейся и потрескавшейся краской цвета детской неожиданности — весьма блёклой, как после жуткого дисбактериоза — гнетуще давили на Макса, расследовавшего убийства в разных районах города и видевшего всякое.

Но здесь цвет настойчиво вызывал в подкорке мозга желание повеситься.

Вкупе с въевшимся в бетон за целое столетие запахом мочи, с которым не могла справиться даже хлорка.

Ганнер, сжав челюсти, поднял голову.

Ещё шесть пролётов.

Шестой этаж, шесть пролётов...

Шесть лет.

Столько получил безусый юноша, чьё дело он расследовал в сентябре, с дурацким именем.

Артур? Альберт? Аггер?

Неважно.

Молодёжь натурально сходила с ума.

Где это видано — расстрелять своего отца из пистолета, ещё и дико хохотать, разглядывая свои окровавленные руки.

Поделом. Сам следователь дал бы как минимум столько, сколько тому было.

Четырнадцать.

Прокуратура заявляла что-то про алкоголизм и насилие в семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.